

**ОРОСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Дорно дахины гар бичмэлийн
хүрээлэн**

**МОНГОЛ УЛСЫН
ШИНЖЛЭХ УХААНЫ АКАДЕМИ
Түүх, археологийн хүрээлэн**

Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ - XX ЗУУНЫ НЭРТ МОНГОЛЧ ЭРДЭМТЭН

**ОХУ-ын Санкт-Петербург хотноо
2014 оны 10 дугаар сарын 6-8-нд
зохион байгуулсан олон улсын
эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл**

**Улаанбаатар хот
Санкт-Петербург хот
2015**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

МОНГОЛЬСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт истории и археологии

Б.Я.ВЛАДИМИРЦОВ - ВЫДАЮЩИЙСЯ МОНГОЛОВЕД XX ВЕКА

**Материалы российско-монгольской
научной конференций
6-8 октябрь. 2014 г.**

**Санкт-Петербург
Улан-Батор
2015**

**RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES**
Institute of Oriental Manuscripts

**MONGOLIAN ACADEMY
OF SCIENCES**
Institute of History and Archaeology

**B.YA.VLADIMIRTSOV -
THE OUTSTANDING RESEARCHER
OF MONGOLIAN STUDIES
IN THE 20TH CENTURY**

PROCEEDINGS

**International Conference
October 6-8, 2014. St. Petersburg, Russia**

**Ulaanbaatar, Mongolia
St. Petersburg, Russia
2015**

DDC
900.015
B-573

*Оросын Шинжлэх Ухааны Академийн
Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн Эрдмийн зөвлөл,
Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн
Түүх, археологийн хүрээлэнгийн Эрдмийн зөвлөлийн баталснаар хэвлэв.*

Ерөнхий редактор: түүхийн ухааны доктор (Ph.D) *С. Чулуун*
Эмхтгэгч, ерөнхий редактор: хэл шинжлэлийн ухааны доктор (Sc.D) *И.В.Кульганек*
Англи эхийн редактор: хэл шинжлэлийн доктор (Ph.D) *Д.А.Носов*
Шүүмжлэгч: түүхийн шинжлэх ухааны доктор (Sc.D) *Т.Д.Скрынникова*
хэл шинжлэлийн ухааны доктор (Sc.D) *Л.Г.Скородумова*
түүхийн доктор (Ph.D) *В.Ю.Жуков*

Б.Я.Владимирцов – XX зууны үеийн нэрт монголч эрдэмтэн: өгүүллийн эмхтгэл. 2014 оны 10 сарын 6-8-ны хооронд Санкт-Петербургт зохион байгуулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын эмхтгэл. *Санкт-Петербург; Улаанбаатар, 2015. 218 х.*

Тус эмхтгэлд Санкт-Петербург хотноо Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнд Монгол судлалыг дэмжих сангийн дэмжлэгтэйгээр Оросын нэрт монголч эрдэмтэн Б.Я.Владимирцовын 130 жилийн ойд зориулан зохион байгуулсан Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын үр дүн болсон өгүүллүүд багтсан болно. Б.Я.Владимирцовын бүтээлийн өвийг түүхч, хэл шинжээч, утга зохиол судлаач, соёл судлаач, улс төр судлаач нар төдийгүй Монгол судлалын салбаруудын бэлчир дээр судалгаа шинжилгээ явуулдаг хэн бүхэн өргөнөөр ашиглаж ирсэн юм. Энэхүү хурал нь Монгол улсын ШУА-ийн Түүх, археологийн хүрээлэн болон Оросын ШУА-ийн Дорно дахины гар бичмэлийн хүрээлэнгийн хамтын ажиллагааны хүрээнд зохион байгуулагдсан хоёрдугаар хурал болно. Эмхтгэлд Оросын болон Монголын судлаач нарын монголчуудын түүх, соёл, хэл утга зохиолын салбарт хамаарах олон асуудлыг хөндсөн өгүүллүүд багтжээ. Хэд хэдэн өгүүлэл нь Б.Я.Владимирцовын Монгол судлалын олон чиглэл салбарт оруулсан хувь нэмрийг үнэлэхэд чиглэсэн байна. Өгүүллийн ихэнх нь уран зохиолын дурсгалт бичиг, нэр томьёоны асуудал, аман зохиолын ангилал, түүхэн үйл явдлын үнэлэлт, Оросын болон Монголын гар бичмэлийн хөмрөг, архивуудаас олж илрүүлсэн шинэ нээлт зэргийг судлахад зориулагджээ. Иймд тус эмхтгэлийг Орос, Төв Азийн соёл, түүхийг сонирхогч хэн бүхэн болон дэлхийн монгол судлаачдын анхааралд хандуулан өргөн барьж байна.

© ОШУА ДДГБХ, 2015
© МШУА ТАХ, 2015
© Зохиогч нар, 2015

ISBN 978-99973-0-619-7

DDC
900.015
В-573

*Утверждено к печати Ученым Советом Института
восточных рукописей Российской академии наук,
Ученым Советом Института истории и археологии
Монгольской академии наук.*

Главный редактор: кандидат исторических наук **Чулуун С.**
Составитель, научный редактор: доктор филологических наук **И.В.Кульганек**
Редактор английского текста: кандидат филологических наук **Д.А.Носов**
Рецензенты: доктор исторических наук: **Т.Д.Скрынникова**
доктор филологических наук **Л.Г.Скородумова**
кандидат исторических наук **В.Ю.Жуков**

Б.Я.Владимирцов – выдающийся монголовед XX века: сборник статей.
Материалы российско-монгольской науч. конф. 6–8 окт. 2014 г.
Санкт-Петербург. – СПб.; Улан-Батор, 2015. – 218 с.: ил.

В сборнике представлены статьи, отразившие итоги работы российско-монгольской научной конференции, прошедшей в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге при поддержке Фонда развития монголоведения в Монголии и посвященной 130-летию Б.Я.Владимирцова, выдающегося российского ученого-монголоведа, значение научных трудов которого до настоящего времени чрезвычайно велико. Его трудами пользуются историки, лингвисты, литературоведы, культурологи, политологи и ученые, проводящие исследования на уровне новых междисциплинарных наук. Данное мероприятие явилось второй международной конференцией, организованной Институтом истории МАН совместно с Институтом восточных рукописей РАН и стала результатом сотрудничества монгольских и российских ученых. В сборник включены статьи российских и монгольских исследователей по различным проблемам истории, культуры, литературы и языка монгольских народов. Ряд статей посвящены роли Б.Я.Владимирцова в исследовании различных аспектов монголоведения. Большая часть статей касается вопросов издания конкретных литературных памятников, использования терминов, классификации фольклорных произведений, художественных особенностей и образной системы поэтического творчества, анализа конкретных исторических событий и их научной интерпретации, новых открытий в рукописных фондах и архивах России и Монголии. Сборник рассчитан на монголоведов и всех, интересующихся историей и культурой России и Центральной Азии.

© ИВР РАН, 2015.

© ИИ МАН, 2015.

© Коллектив авторов, 2015.

ISBN 978-99973-0-619-7

DDC
900.015
B-573

The publication is approved by the Academic Council of Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences and by the Academic Council of Institute of History, Mongolian Academy of Sciences.

Editor-in-Chief: Ph. D (history) *Chuluun S.*
Compiled and edited by: Sc. D (philology) *I.V.Kulganek*
Texts in English edited by: Ph. D (philology) *D.A. Nosov*
Reviewers: Sc. D (history) *T.D. Skrynnikova*
Sc. D (philology) *L.G. Skorodumova*
Ph. D (history) *V.Yu. Zhukov*

B.Ya. Vladimirtsov – the Outstanding Researcher of Mongolia in the 20th Century. Proceedings of International Conference October 6–8, 2014. St.Petersburg, Russia. Ulaanbaatar–St.-Petersburg. 2015. 218 P.

The proceedings reflect the results of international research conference, taken place at the Institute of Oriental Manuscripts, RAS (St. Petersburg, Russia). It was supported by the National Foundation for Mongolian Studies (Government of Mongolia). The conference was dedicated to the 130th anniversary of B.Ya. Vladimircov, an outstanding mongolist, who influenced greatly all fields of Mongolian studies. His works are of great importance for historians, linguists, researchers of literature, culture and politics, as well as for interdisciplinary studies. This gathering was the second international conference, held by the Institute of History, Mongolian Academy of Sciences in cooperation with the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. These proceedings are collection of articles, written by Russian and Mongolian scholars on different problems of history, culture, literature and languages of Mongolian peoples. Some of the articles are dedicated to the role of B.Ya. Vladimircov in different fields of Mongolian studies. Most of the articles answers questions on publishing exact literary monuments, terminology, classification of folklore texts, analysis of poetics, research and interpretation of different historical events, new discoveries in archives and manuscripts' collections in Russia and Mongolia. This collection of articles is designed for scholars in Mongolian studies and for everyone, who is interested in history and culture of Russia and Central Asia.

© IOM RAS. 2015.
© IAH MAS. 2015.
© Composit authors. 2015.

ISBN 978-99973-0-619-7

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>И.В. Кульганек</i>)	10
---	----

Приветствия

<i>Попова И.Ф.</i> директор Института восточных рукописей РАН	17
<i>Заяабаатар Д.</i> Секретарь Фонда развития монголоведения в Монголии. Улан-Батор. Монголия	18

Статьи

<i>Бичеев Б.А.</i> Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повесть о Нарану Герел»)	22
<i>Бурыкин А.А.</i> Б.Я. Владимирцов – основоположник современной научной алтаистики	30
<i>Валеев Р.М.</i> Истоки российского университетского монголоведения и буддологии в Казани (первая половина XIX в.)	42
<i>Гэрэлбадрах Ж.</i> Было ли «унгу боол»?	50
<i>Дашням Л.</i> К вопросу о классификации мудрых слов в монгольском языке	61
<i>Дробышев Ю.И.</i> Погодная магия в средневековой Монголии	68
<i>Елихина Ю.И.</i> Раскопки С.А. Теплоухова кургана № 12 в Ноин-Уле	78
<i>Захарова И.М.</i> Посольство Ю.А. Головкина в Цинскую империю и монгольские акварели А.Е. Мартынова	91
<i>Кантор Е.А.</i> Монгольский перевод «Мани-Кабума», выполненный Гуши Цорджи (1608)	102
<i>Кукеев Д.Г.</i> Некоторые сведения о материальном наследии джунгаров	110
<i>Кульганек И.В.</i> Представление о счастье в монгольских поговорах и пословицах	121
<i>Мунхцэцэг Э.</i> Некоторые термины в книге Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов» и в словаре «Зерцало маньчжуро-монгольской словесности, изданное по высочайшему повелению» (1717)	129
<i>Носов Д.А.</i> Б.Я. Владимирцов как основоположник современной монголоведной фольклористики	137

Носов Д.А., Почекаев Р.Ю. Рукопись Ц.Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» – источник по истории монгольского права	144
Петрова М.П. Модернистские тенденции в монгольской поэзии конца XX– начала XXI в..	153
Түвшинтөгс Б. Тод бичгээрх бар хэвлэлийн уламжлал	164
Туранская А.А. Национально-культурные особенности монгольского перевода «Гурбума» Миларэпы	178
Чулуун С. Изучение обнаруженного в Монголии неизвестного списка «Шара Туджи»	185
Юрченко А.Г. Сакральная арифметика и численность армий Чингизидов	200
Сведения об авторах	215

CONTENTS

Foreword (<i>by I. V. Kulganek</i>)	10
---	----

Greetings

<i>Popova I.F.</i> Director of Institute of Oriental Manuscripts RAS	17
<i>Zayabaatar D.</i> Secretary of the National Foundation for Mongolian Studies (Ulaanbaatar, Mongolia)	18

Articles

<i>Bitcheev B.A.</i> Oirat version of «Tale of Naranu Gerel» («Tale of White Tara»)	22
<i>Burykin A.A.</i> B. Vladimirtsov – founder of modern Altaic studies	30
<i>Valeev R.M.</i> Origins of the Mongolian and Buddhist Studies in Kazan University (the first half of 19 century)	42
<i>Gerelbadrakh Zh.</i> Was there an «ongu bool»?	50
<i>Dashniam L.</i> On the Classification of the wise Words in Mongolian	61
<i>Drobyshev Ju.</i> Weather magic in medieval Mongolia	68
<i>Jelikhina Ju.</i> S.A. Teploukhov's excavations of the mound number 12(24) in Noin-Ula, Mongolia in 1924	78
<i>Zakharova I.M.</i> The embassy of the count Y.A. Golovkin to the Qing Empire and Mongolian watercolors by the artist A.E. Martynov	91
<i>Kantor E.A.</i> Mongolian translation of the «Mani Kabum» by Guusi Čorji (1608)	102
<i>Kukeev D.G.</i> Some information on material heritage of the nomadic population of Jungar Khanate	110
<i>Kulganek I.V.</i> The idea of happiness in the Mongolian Proverbs and sayings	121
<i>Munkhtsetseg E.</i> Some terms in B.Ya Vladimirtsov's book «Social structure of Mongols» and in the dictionary «Qayan-u bičigsen manju mongyul ugen-u toli bičig» (1717)	129
<i>Nosov D.A.</i> B.Ya. Vladimirtsov as father founder of modern studies in Mongolian folklore	137
<i>Nosov D.A., Pochekaev R.Yu.</i> Manuscript «The fragment on court order...» from Ts. Zamtsarano's collection (IOM RAS, St. Petersburg) as a source on the Mongolian law history	144

<i>Petrova M.P.</i> Modernist Trends in Mnglian Poetry of the late 20th – early 21st. centuries	153
<i>Turanskaya A.A.</i> National and cultural peculiarities of Mongolian translation of Milarepa's «Gurbum»	164
<i>Tuvshintugs B.</i> The tradition of printing block in clear script	178
<i>Chuluun S.</i> The study of the newly discovered «Shar tuuj» found in Mongolia	185
<i>Yurchenko A.G.</i> «Sacred arithmetic» and size of the armies of Chingizids	200
Notes on authors	215

Ю.И.Елихина
Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия

РАСКОПКИ С.А. ТЕПЛОУХОВЫМ КУРГАНА № 12(24) В НОИН-УЛЕ В 1924 Г.

Аннотация. Статья посвящена раскопкам археолога С.А. Теплоухова кургана № 12(24) в Ноин-Уле в Монголии в 1924 г. Курган был разграблен еще в древности, но многие находки не имеют аналогов в мире и являются шедеврами мировой культуры.

Ключевые слова. С.А. Теплоухов, Ноин-Ула, курган, археологические находки.

Ju. Jelikhina

S.A. TEPLOUKHOV'S EXCAVATIONS OF THE MOUND NUMBER 12(24) IN NOIN-ULA, MONGOLIA IN 1924

Abstract. The article is devoted to the excavations of the mound number 12(24) by archaeologist S.A. Teploukhov (24) in Noin-Ula, Mongolia in 1924. The Barrow was plundered in ancient times, but many findings are unique in the world and are masterpieces of world culture.

Keywords. S.A. Teploukhov, Noin-Ula, mound, archaeological finds.

Одним из самых известных археологических памятников сюнну (азиатских гуннов) являются могильники в горах Ноин-Ула на севере Монголии. Они были случайно открыты в 1912 г. горным инженером общества «Монголор» А.Я. Баллодом. В 1924–25 гг. сотрудники Монголо-Тибетской экспедиции известного русского путешественника и исследователя Центральной Азии П.К. Козлова (1863–1935) обследовали местность, где расположены могильники и зафиксировали здесь более двухсот курганов, сконцентрированных группами в нескольких лесистых распадках. Под руководством помощника П.К. Козлова С.А. Кондратьева путем прокладки глубоких шурфов удалось проникнуть в погребальные камеры семи курганов и извлечь из них около 2000 различных предметов, в основном тканей и золотых и серебряных украшений. Только один курган (№ 12/24) был исследован известным археологом С.А. Теплоуховым (1888–1934) методом «открытой разработки» (рис. 1).

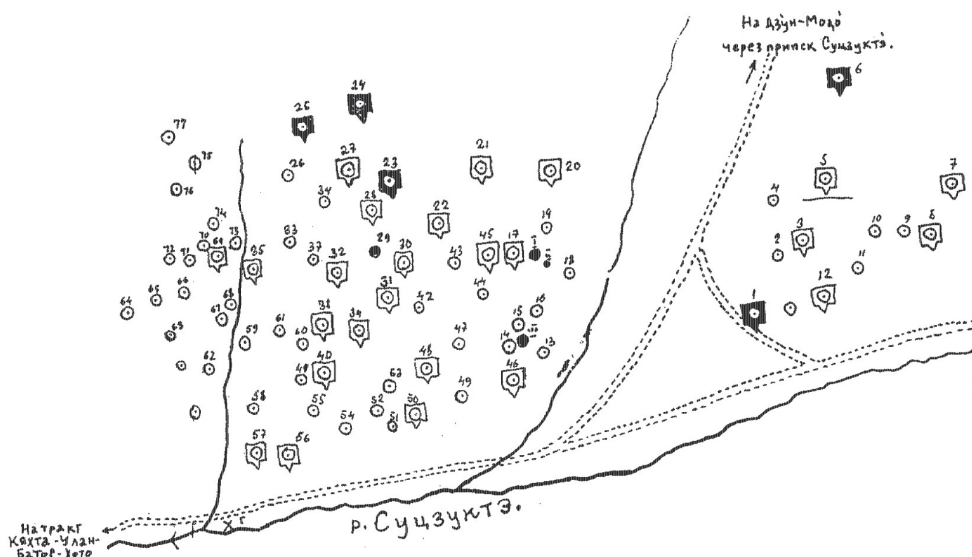

Рис. 1. Схема курганов в пади Суцзуктэ по П.К. Козлову

Курганы Ноин-Улы относятся к категории элитных захоронений сюнну. До сих пор многие находки из курганов Ноин-Улы требуют дополнительной интерпретации.

Первоначально С.А. Теплоухов не был сотрудником экспедиции П.К. Козлова 1923–1926 гг. Но в июле 1924 г., когда были получены первые находки из курганов Ноин-Улы, С.Ф. Ольденбург предложил отправить в Монголию на раскопки еще археологов С.А. Теплоухова и Г.И. Боровку (1894–1941)¹ – специалиста по скифскому искусству.

С.А. Теплоухов родился 3 марта 1888 г. в селе Ильинское, Пермского уезда. Он происходил из семьи, многие представители которой занимались наукой. С.А. Теплоухов окончил Казанский университет с дипломом I степени по двум специальностям – зоологии и географии/этнографии, и был оставлен для подготовки к профессорской деятельности на кафедре географии и этнографии Казанского университета. Такая подготовка требовала стажировки в столице, и Теплоухов в 1914 г. был отправлен на три года в Санкт-Петербургский университет.

¹ Г.И. Боровка – археолог, историк. Его судьбе и раскопкам в Ноин-Уле посвящена статья автора «Раскопки Г.И. Боровки кургана № 49 в Ноин-Уле в 1926 г.» // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Материалы международной конференции 19–20 апреля 2013, Санкт-Петербург. СПб. – Улан-Батор, 2014 с. 30–39.

После перипетий гражданской войны, преподавания в Пермском и Томском университетах, в 1922 г. С.А. Теплоухов перебрался в Петроград окончательно, работал одновременно в Академии истории материальной культуры¹, в Русском музее и Университете.

Оформление документов для поездки в Монголию затянулось, и С.А. Теплоухов и Г.И. Боровка прибыли в Ургу только 19 сентября 1924 г., в это время полевой сезон уже близился к завершению. С.А. Теплоухов осмотрел раскопки экспедиции П.К. Козлова 24 сентября, признал сделанное экспедицией в общих чертах удовлетворительным, однако в деталях отметил некоторые упущения, которые предлагал устранить.

На самом деле раскопки экспедиции мало удовлетворили С.А. Теплоухова, о чем он откровенно написал 13 октября 1924 г. С.Ф. Ольденбургу. Указав на серьезные упущения при ведении работ, С.А. Теплоухов сообщил, что первоначально хотел ограничиться лишь исправлениями уже сделанного: «Проверив планы могильников, дополнив неудовлетворительные дневники расспросами, выяснив небольшими раскопками некоторые детали погребения, я хотел этим и ограничиться», но различные соображения заставили его раскопать еще один курган.

Для выяснения деталей захоронения по всем правилам археологической науки методом «открытой разработки» С.А. Теплоухову требовалось не менее 30 рабочих со стальными лопатами, что являлось дефицитом в то время в Монголии, и деньги – примерно около полутора тысяч рублей. П.К. Козлов, конечно, возражал против такой суммы. Экспедиционные средства приходилось все время экономить, но отказать археологу, приехавшему по распоряжению главы СНК СССР, он не имел права.

С.А. Теплоухов и Г.И. Боровка приступили к раскопкам кургана № 12(24) только 6 октября, имея в своем распоряжении 45 рабочих-китайцев. Раскопки продолжались месяц. Выбрали типичный прямоугольный курган, с насыпью размером 14 × 15 м, на северном склоне Судзуктэ. Курган ориентирован своими сторонами по сторонам света. Поскольку курган был сооружен на склоне пади, высота его насыпи в южной части достигала 1,5 м, в северной – 0,5 м. Его поверхность над могильной ямой была более или менее горизонтальной. К южной стороне квадратной насыпи кургана примыкала сравнительно узкая и длинная (5 × 12 м) насыпь, постепенно понижающаяся к югу. Края, квадратной насыпи кургана, как и боковые части примыкающей с юга длинной узкой насыпи, были обложены каменными глыбами, местами выступающими на поверхность. Камни располагались

¹ Сейчас Институт истории материальной культуры РАН.

в несколько рядов и были положены по краю могильной ямы на грунте. Посередине кургана была яма-воронка, дно которой лежало более чем на метр ниже окружающего курган горизонта почвы. Узкая насыпь, о которой шла речь выше, прикрывала глубокий раскоп, постепенно понижающийся с юга к могильной яме.

Могильная яма и дромос были завалены землей (разноцветными глинами), немногочисленными камнями, мелким щебнем и прослойками разрушенного почвенного покрова. Могильная яма размером 12×13 м и глубиной около 9 м была вырыта крутыми уступами. В южной стенке более отлогие уступы шли снизу только до середины глубины ямы и примыкающего к ней дромоса. Дромос использовался при сооружении погребальной камеры и для вноса покойника.

В кургане был обнаружен грабительский ход, шедший от дна воронки в центре кургана в вертикальном направлении к центру погребального сооружения. Он почти сплошь был завален камнями.

Погребальное сооружение было обнаружено на глубине 7 м. Оно состояло из двух камер: наружной и внутренней, строго ориентированных, как и могильная яма, по сторонам света.

Во внутренней камере находился гроб. Все погребальное сооружение так же, как и гроб, сделаны из сосны. Дерево, в общем, сохранилось хорошо, сильно пострадала только верхняя часть наружной камеры. Пол камеры лежал на двух четырехугольных брусках, ориентированных в меридианном направлении, и состоял из 15 хорошо пригнанных четырёхугольных в разрезе плах шириною 9–12 см, положенных поперек брусков.

На полу был поставлен бревенчатый сруб ($3 \times 4,4$ м при высоте 1,8 м); короткие его стенки (северная и южная) были врублены в длинные (восточную и западную). Изнутри и с боков бревна были стесаны. Сверху камера была закрыта потолком из 18 бревен, стесанных также, как и на стенках. Потолок лежал на стенках и двух балках. Последние поддерживались шестью колонками (почти квадратными в сечении), укрепленными в полу и заканчивающимися капителями. Грабителями в южной части крыши было прорублено круглое отверстие диаметром в 1 м.

Внутри наружной камеры, примыкая к южной ее стене, находилась внутренняя камера размером $1,7 \times 3$ м, высотой 1,22 м. Стены внутренней камеры были построены из хорошо пригнанных одна к другой плах и скреплены в углах таким же образом, как и стены наружной камеры. На стенах внутренней камеры лежал потолок из поперечно положенных плах, поддерживаемый продольной балкой на двух колонках. Колонки стояли внутри камеры у южной и северной стен. В северной и западной стенах грабителями

были прорублены небольшие отверстия в поисках, по-видимому, коридора между стенами камер, где, по всей вероятности, помещалась значительная часть погребального инвентаря.

Гроб, размером (0,77 × 2,16 м, высота 0,85 м) стоял посреди внутренней камеры. Под ним, ближе к северному концу, сохранился поперечный четырехугольный в разрезе деревянный брус.

Дно гроба было сделано из двух толстых досок. Из пар досок состояли и стенки, причем короткие одним четырехугольным зубцом входили в соответствующие им пазы длинных стенок. Крышка гроба, имевшая пазы для всех четырех стенок была сорвана грабителями и в значительной мере разрушена. И она, по-видимому, состояла из двух досок. Доски гроба скреплялись сфугованными краями и внутренними шпёнками, вставлявшимися в гнезда прилегающих одна к другой досок. Для прочности шпёнки закреплялись в досках поперечными деревянными стерженьками и, кроме того, у стыка досок с обеих сторон вкладывались в соответствующие гнезда суженные посередине деревянные пластинки [4, с. 10–12].

Раскопки археологам неоднократно приходилось прерывать из-за сложных погодных условий: частые снежные бураны, морозы по ночам до –20 °С. Через две недели погода испортилась настолько, что археологи решили прекратить раскопки. Но А.Н. Васильев (полпред СССР в Монголии), П.К. Козлов и С.А. Кондратьев уговорили их продолжить работу, на выполнение которой уже были затрачены значительные средства.

Раскопки, проведенные С.А. Теплоуховым и Г.И. Боровкой, подтвердили правильность выводов, сделанных экспедицией о конструкции и характере ноин-улинских захоронений.

14 ноября 1924 г. С.А. Теплоухов в Урге на заседании Ученого комитета Монголии сделал отчет о находках.

31 января 1925 г. состоялось заседание Комиссии Академии Наук в Ленинграде, на котором были заслушаны доклады, посвященные экспедиции. Особое внимание привлекли доклады С.А. Теплоухова и Г.И. Боровки, что объяснялось повышенным интересом к археологическому открытию. С.А. Теплоухов указал на необходимость продолжения начатых работ, «что даст возможность изучать различные культуры Востока и Запада и подойти с новыми идеями к палеоэтнографии Сибири».

Высокая научная значимость и общественный резонанс, казалось бы, предопределяли активное продолжение раскопок в Ноин-Уле. Однако, по разным причинам этого не произошло. С.А. Теплоухов в 1925 г. отказался ехать в Монголию из-за занятости, предполагая продолжить раскопки в 1926 г., но работать в Ноин-Уле ему больше не удалось [5, с. 27–29, 39, 48].

В начале 1930-х гг. археология была объявлена буржуазной наукой, начались массовые репрессии. 26 ноября 1933 г. С.А. Теплоухов был арестован по сфабрикованному делу «Российской национальной партии» (так называемое «Дело славистов»). Во время следствия под пытками С.А. Теплоухов был вынужден признать себя виновным, а 10 марта 1934 г. был обнаружен мёртвым в камере. Был полностью реабилитирован 27 мая 1958 г. «за отсутствием, состава преступления».

В архивных описях материалов экспедиции, хранящихся в ИИМК РАН, курган обозначен под № 12. Дело в том, что нумерация курганов во время раскопок несколько раз менялась. В описи обозначено, что курган был раскопан С.А. Теплоуховым, фамилия Г.И. Боровки не упоминается. По описи в кургане № 12 значатся номера находок КПАИМК 14112–14211, т.е. всего сто предметов. Некоторые предметы состояли из нескольких фрагментов и, фактически, их число в описи обозначено количеством 507, не считая кусочков угля. Некоторые находки, например, кости человека и животных в Россию экспедиция не привозила. За исключением фрагмента малой берцовой кости человека (инв. № МР-2465), покрытой лаком.

Среди находок были фрагменты шелковой одежды (фрагменты халата, головной убор), тканая завеса с даосским орнаментом, фрагменты шелковых гладких, газовых и вышитых тканей, нефритовая пластина, фрагменты лакированных и деревянных изделий, части деревянных фрагментов погребальной камеры и другие предметы. Кроме этого были обнаружены элементы декора гроба: розетки и фрагменты украшений из золотой фольги.

Одной из самых необычных находок является фрагмент полихромного шелка (Инв. № МР-1330, размер 184 см и 35 см) (рис. 2) с тканым орнаментом в виде птиц, скал, деревьев и грибов [7, p.35, pl.15]. Местонахождение этой ткани в архивных описях не указано. Ткань поражает технической сложностью и совершенством исполнения. Она, как и большинство тканей, относится ко времени династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). В нитях основы ткани находится 340 волокон и в нитях утка – 112. Ткань выполнена обычным для того времени типом переплетений, но насчитывает четыре основы, а на отдельных участках шесть основ в отличие от ханьских полихромных тканей, имеющих, как правило, две-три основы, одна из которых является фоновой, а другие – работающими. Раппорт рисунка ткани по основе занимает всю длину ткани и по утку составляет 53 см. Для изготовления такой ткани на станке требовалось 350 планок, т.е. в десять раз больше, чем других тканей. Если на тканях той эпохи узор обычно разворачивается в уточном направлении от кромки до кромки, повторяясь в направлении основы, то на этой ткани декор идет в направлении основы. Этот прием

можно объяснить намерением мастера создать непрерывную ландшафтную даосскую композицию крупным планом. По все вероятности, ткань предназначалась для изготовления из нее не одежды, а декоративной завесы.

Сейчас ткань имеет темно-коричневый цвет фона, на котором виден бежевый узор. Изначально фон был темно-пурпурным, а узор был выткан золотисто-желтым цветом. Пурпурные тона характерны для даосских изображений. Узор представляет собой чередование гор, птиц, грибов и деревьев. Горы представлены двумя сужающимися кверху скалами с зубчатыми прямоугольными краями. В глубокой расщелине между скалами находится стилизованное дерево с тремя симметричными парами веток и с плодами на вершине. На каждой скале изображена наклонившаяся птица с длинным хвостом и гребешком. Головы птиц обращены к грибу с тремя ответвлениями, помещенному в большом промежутке между скалами.

Этот фрагмент ткани представляет собой один из наиболее ранних образцов ландшафтного изображения. Аналогичных тканей не было найдено в могильниках Мавандуя [6, р. 127–142]. Таким образом, орнамент ткани не имеет аналогов среди известных тканей ханьской эпохи.

Первоначально Е.И. Лубо-Лесниченко трактовал этот образ с точки зрения китайских представлений. Он считал, что символика этого орнамента находит отражение в древнекитайской мифологии, в различных сборниках рассказов повествуется о том, что: «...на востоке находится гора, на ней растет большое дерево, на котором сидит небесный петух. В тот момент, когда солнце поднимается и освещает это дерево, небесный петух кричит. Вслед за ним кричат все петухи». Гриб «чжи», как и персиковое дерево, по представлениям китайцев, дарует бессмертие и укрепляет жизненные силы. Культ петуха, как символа солнца – активного начала – ян (петуший крик прогоняет злых духов, порожденных темным началом – инь), достаточно древний и имеет большое значение в религии древнего Китая. В период Хань культ петуха получил особое распространение. Так, по свидетельству ханьской династийной истории, император приносил в жертву божеству яшмового петуха. На китайских полихромных тканях, найденных в курганах Ноин-Улы, сравнительно часто встречаются изображения петухов и птиц. Персиковое дерево в древнекитайской традиции также рассматривалось как символ солнца [2, с. 51–54, табл. LIV].

Однако некоторые исследователи считают, что изображение гриба «чжи» восходит к древнеиндийским ведическим представлениям о священном напитке сома. Дерево представляет собой стилизованное «древо жизни». После фотографирования ткани в ультрафиолетовых лучах в физической лаборатории Государственного Эрмитажа проявились еще некоторые до-

полнительные детали орнамента. В основании скалы рядом с деревом видно фантастическое существо (рис. 3).

Оно стоит вертикально с вытянутыми лапами, открытой пастью и поднятым хвостом. Возможно, что здесь изображено божество этой горы. В древнем Китае гора почиталась как местопребывание духа-божества, и культ гор был тесно связан с культом предков [3, с. 196–197, рис. 45].

Таким образом, эта ткань представляет собой древнейшее китайское изображение пейзажа, сюжет которого, вероятно, можно рассматривать следующим образом: завеса имела ритуальное значение и отражала мир древнекитайских даосских представлений о жизни и смерти. Вероятно, завеса служила именно для погребального ритуала. Поэтому весь комплекс изображений на ткани связан именно с погребальным ритуалом. Культ гор связан с предками. На фотографии в ультрафиолетовых лучах видно не одно зооморфное существо, а несколько. Это могут быть и души предков, и злые духи, и владыки гор. Кроме того, пещеры считаются местом перехода души в загробный мир. Именно в них пребывают души предков. Дерево, произрастающее между горами, представляет собой мировое дерево, по которому душа умершего поднимается из нижнего мира в верхний.

Необычные технические характеристики выделяют эту ткань среди известного нам материала. По-видимому, ткань была изготовлена в знаменитых мастерских Сяньи по особому заказу для погребальной церемонии и затем была передана кому-то из представителей сюнну. Скорее всего, она должна была украшать стены или одну из стен внутренней погребальной камеры [1, с. 255–257].

Еще одной уникальной находкой является ханьская вышивка с изображением дракона (инв. № МР-1335, размер 33,5 × 25 см) (рис. 4). Основой для вышивки служит тафта. Вышивка выполнена в технике точечной глади и тамбурного шва двух видов.

Также в кургане № 12(24), раскопанном С.А. Теплоуховым и Г.И. Боровой, были найдены согласно описи 36 фрагментов лакированного изделия. Они были обнаружены в углах и восточной части внутренней камеры.

Большая часть фрагментов относятся к лакированной шкатулке (рис. 5), схему реконструкции которой выполнил С. Умехара [8, р. 33, fig. 18].

Подобные лакированные изделия датируются периодом с 16 по 2 гг. до н.э. Среди них находится фрагмент, который является частью ручки (размер 4,7 × 1,5 × 0,8 см), на ней сохранился старый экспедиционный номер 12-338 (рис. 6), что подтверждает ее происхождение из кургана № 12(24) и ее местонахождение вместе с фрагментами шкатулки. Форма и сечение ручки характерны для ханьской чашечки. По поверхности ручки есть характерная

обнизка для крепления бронзовой накладки, которая была также найдена во внутренней камере кургана № 12(24). Она хранится в Эрмитаже и идеально подходит к этому фрагменту ручки. На двух плоскостях ручки сохранилось лакокрасочное покрытие с тонкой орнаментальной росписью. Фон росписи темно-коричневого цвета, а сам узор выполнен черной краской. Край ручки обведен красным контуром. Рисунок на нижней стороне ручки представляет собой разновидность «облачного» орнамента, характерного для династии Хань. В целом, украшение ручки отличается столь тщательной проработкой, что позволяет предположить раннюю датировку чашечки, вероятно, первым десятилетием до н.э.

Из девяноста черепков, найденных в восточной части внутренней камеры, реставраторам удалось собрать археологически целый сосуд (инв. № МР-3035, выс. 71 см) (рис. 7). Он является типичным примером керамики сюнну.

Некоторые из находок С.А. Теплоухова являются шедеврами мировой культуры, они представлены на постоянной экспозиции.

Библиография

1. *Елихина Ю.И.* К вопросу об интерпретации сюжета на полихромной шелковой ткани из Ноин-Улы» // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Т. I, СПб., 2012.

2. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Древние китайские шелковые ткани и вышивки. Л., 1961.

3. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на шелковом пути. М, 1994.

4. *Руденко С.И.* Культура хуннов и Ноин-улинские курганы. М;-Л., 1962.

5. *Юсупова Т.И.* 2011, История не совсем обычного археологического открытия // Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвэндорж Д. Двадцатый Ноин-улинский курган. Новосибирск : «ИНФОЛИО», 2011.

6. *Laumann M.* The secret of excellence in ancient Chinese silk. Taipei, 1984.

7. *Trever C.* Excavation in Northern Mongolia. L., 1932.

8. *Umehara S.* Studies of Noin-Ula Finds in North Mongolia // The Toyo Bunko Publications. Series A, No. 27, Tokyo, 1960.

Рис. 2. Полихромная шелковая ткань. Государственный Эрмитаж

Рис. 3. Фотография ткани в ультрафиолетовых лучах

Рис. 4. Дракон, шелк, вышивка. Государственный Эрмитаж

Рис. 5. Фрагмент лакированный шкатулки. Государственный Эрмитаж

Рис. 6. Фрагмент ручки лакированной чашечки. Государственный Эрмитаж

*Рис. 7. Сосуд керамический.
Государственный Эрмитаж*